

УДК 82.0 (470)
ББК 83.3 (2=Рус) 6
Т 35
К.Г. Тер-Миносян

Личность поэта в контексте времени (по стихам Ксении Некрасовой)

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье подняты и решаются вопросы гражданской и творческой реабилитации Ксении Некрасовой, рассматривается ее лирика в контексте духовных исканий эпохи.

Ключевые слова:

Поэт, лирика, верлибр, контекст, константы, философия, мифология, эпоха, личность.

Ксения Некрасова – уникальное явление в русской художественной словесности. Вот как об этом пишет Н. Савельева: «Ксения Некрасова – одно из самых тихих имен в поэзии XX века. Уникальное явление в русской лирике – диковинное, одинокое, не вмещающееся ни в какие рамки и не укладывающееся в литературные термины. Яркий, сильный, по мнению многих ее почитателей и критиков, гениальный поэт. Писала она естественно, как дышала. Ее верлибры берут начало в фольклорной традиции, они близки наивной живописи. Стихи Ксении Некрасовой мудры и прекрасны, а судьба тяжелейшая, как и у большинства поэтов». Оценка эмоциональная, но справедливая.

Необычность этого явления зиждется на нескольких объективных идеях: во-первых, она родилась «слишком поздно» (1912), чтобы быть активным участником литературного процесса начала XX века; во-вторых, она пришла в литературу в то время, когда лучшие традиции русской классики и поэтической современности были подвергнуты жесточайшей цензуре большевистской идеологией; в третьих, она была плоть от плоти великой русской поэзии, хотя ни одного из ее классиков (от Пушкина до Есенина) она не повторила. К. Некрасова, если кого-то особо почитала, то, наверное, всех классиков вместе взятых и особенно – главного классика – русский народ с его вдохновенным устно-поэтическим творчеством.

При жизни Ксении Некрасовой была издана только одна книжка стихов «Ночь на баштане» (1955). А с 1955 года было издано 9 книг, в которых повторов много, но и в каждой книге

были неизданные произведения, как есть и по сей день ненапечатанные стихи, незавершенные произведения, есть и эпистолярно-мемуарная проза.

При «том режиме», то есть советско-большевистском, писать о Ксении Некрасовой так, как этого она заслуживала, было нельзя, а писать о ней как о второстепенной поэтической фигуре в контексте советской литературы было бы несправедливо: она выходила за рамки и того, и другого. Рассматривать ее творчество в ряду явлений русской литературы на рубеже веков тоже не представлялось возможным. Так как и то, и другое время «не заработали» на нее, и она осталась в пространстве межвременья. Так продолжалось почти в течение всего «советского периода», выпавшего на ее долю. После стали от случая к случаю издавать и исследовать ее поэзию. Аналитический, исследовательский материал состоит в основном из предисловий к ее книгам [1] и небольших юбилейных статей в периодической печати [2]. Имеются и исследования, в которых творчество Ксении Некрасовой рассматривается в контексте следующих идей: воплощение авторского сознания в поэзии; взаимосвязь субъекта и объекта в творчестве Некрасовой; «Я» и «Мы» в лирике поэтессы; эмоционально – оценочные константы лирики Ксении Некрасовой; мотив радости в поэтическом мироощущении К. Некрасовой и т.д. Выводы, к которым приходят авторы: «Для советской эпохи 40-50-х годов поэзия Ксении Некрасовой была излишне авангардной. Необычность формы («белый» и «свободный стих», непосредственность интонации)

вызывала упреки в «западной» ориентации поэтессы, отсутствие привычных тем характеризовали как проявление «асоциальности». Автор работ интересуется и то, что является предметом философского обсуждения. С одной стороны, положительно, что исследователи стремятся включить философию и эстетику Ксении Некрасовой в мировой духовно-эстетический опыт (при этом называют Кафку, Камю, Джойса и др.), с другой, необходимо помнить о том, что наряду с существующими концепциями, верными и солидными, необходимо рассматривать творчество Ксении Некрасовой как национально-русский духовный фактор. В этом ее самобытность и неповторимый колорит ее поэтического мышления и речи. Многие из писавших отмечали именно эту необыкновенность ее образного языка, Н. Асеев подчеркивал «настоящую одаренность» Некрасовой, замечательные слова о незаурядном таланте ее сказаны в статье Н. Громовой и Н. Ростовцевой к сборнику стихов К. Некрасовой 1999 года, где они называют ее лирику разноцветной, многоголосой при сохранении весьма завершенного и сильного взгляда на мир. Слова восхищения высказаны и Т.А. Овчаренко в книге «Русский свободный стих».

Как утверждает критика, эта книга является первой «попыткой научного осмысления некоторых (стихovedческих) аспектов творчества К.А. Некрасовой». И добавляет: «Можно утверждать, что до сих пор творчество поэтессы не было предметом специального научного изучения» [2].

Наличие довольно большого количества восторженных отзывов о творчестве поэтессы делает еще более актуальной проблему научно-теоретического его исследования. Это творчество фактически только что вернулось к читателю. Только что формируется общественное сознание по отношению к нему. Поэтому очень важны взвешенные, продуманные оценки духовно-нравственных исканий поэтессы. Мир ее существования, образ воссоздания ею окружающей действительности – цельный, законченный мир, вошедший в такую же завершенную поэтическую душу личности, то есть личность, осознавшая себя как целостный мир. «Нерасчлененно-целостное, а значит, и мыслительно-чувственное обобщение действительности, которое именуется мифологическим, характерно

для очень древнего периода социально-исторической жизни, а точнее говоря, локализуется в общинно-родовой, или первобытно-общинной формации» [3, 9].

Возникшее давно, в первые периоды человеческой цивилизации, мифологическое мышление сохраняет свои главные составляющие во все последующие периоды развития человеческого сообщества; но существуют силы, которые постоянно пытаются разрушить это единство «одного» со «всеми», «я» со множеством «мы». Это обобщенное духовное начало очередной раз было подвергнуто жесточайшей атаке в конце XIX- начале XX века, нашедшей свою энергию в амбициозных построениях известных личностей, проповедовавших приоритет крайнего индивидуализма, разрушительную силу бесконечного «Я». Большевицкая идеология пыталась восстановить статус «могущественного МЫ», из которого не получилось ничего такого, что могло бы определить ориентиры будущего, разве что противопоставила себя силе бесконечного «Я». Ксения Некрасова не могла быть ни с теми, ни с другими, она этого не делала ни сознательно, ни иррационально, а жила целой, единой жизнью в мире и мир жил в ней законченной, живой, творящей природой. «Мои стихи иль я сама одно и то же, – Только форма разная» [4, 118]. Окружающую природу она восприняла как целиком свою, но и была убеждена, что она «своя» и для всех других, что составляло в ее сознании «нерасчлененное единство» всего. Я – это Бог, но Окружающий мир – тоже Бог, потому что и то, и другое являются творцами. Они не разнополярны, а живут, «сосуществуют» вместе, испытывая равновеликие состояния: «гармоничность бытия богом осуществляется только при условии их приобщения ко всему миру, окружающему Олимп, – и к земле, и к царству мертвых, – причем это приобщение оказывается иногда драматическим, ибо... боги переживают страдания, мучаются от боли и любви, но они же хохочут неугасимым смехом за пиршественными столами, знаменуя неистоцимую полноту блаженства» [5, 154]. Объясняет ли это нечто характерное для мировосприятия Ксении Некрасовой? Да, безусловно, но с тем необходимым дополнением, что мир ее представлений был слишком русским, что бы быть каким-то образом еще другим. Это не означает, что фи-

лософия духа, воплощенная в лирике Ксении Некрасовой, отгорожена от мирового, общечеловеческого опыта. Эта особенность – абсолютная слитность с русской национальной, природной и первородной идеологией – делает актуальной, проблему изучения лирики Ксении Некрасовой в контексте единых гуманистических ценностей. Еще то, что в поисках русско-православной духовности, имеющей тысячелетнюю историю, она пришла к корневым началам, к слову устному, к эстетике народного творчества, к силе и духу поэтического вдохновения русского художественного сознания не в результате умозаключений, интеллектуально-мозговых решений, а исключительно в результате непосредственного подчинения жизни своей душе и поискам русского христианско-православного мира; потому картины современного мира (атрибуты новой эпохи) без напряжения приобрели в ее лирике статус вечно-го, всегдашнего, давно существовавшего, только ожившего в новое время мира.

И, наконец, лирика Ксении Некрасовой оказалась чрезвычайно современной, хотя и не была она официально признана, не востребована долгие десятилетия, ибо в ней отражены этапы тысячелетнего духовно-нравственного развития опыта русской православной национальной идеологии.

Примечания:

1. Климова Г. Московская Муза, XVII-XXI. Антология. М., 2004; Тимофеев В.П. Предисл. к сб. стихов К. Некрасовой. Челябинск, 1986; Т. Бек. Предисл. к книге «Самые красивые книги мира». 1997.
2. Рубинштейн Л. И шелест буйных трав мой возвышал язык // Лит. газета. 1982. 12 мая; Смеляков Я. Ксения Некрасова // Круг чтения. М., 1989; Рубинштейн Л. Баллада о прекрасном // Новый мир. 1970. № 3; Кузько Т. Я надела бархатное платье // Лит. Россия. 1994. № 37.
3. Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 2002.
4. Некрасова К. Стихи. М., 1973.
5. Тахо-Годи А.А. Указ. соч.